Ее тень длиною в мою жизнь… Первая книга

Автор:
Макс Линн

Ее тень длиною в мою жизнь… Первая книга

Макс Линн

Макс Линн, мужской роман-исповедь #1

От первого лица герой книги – Макс рассуждает о насущном. Простым разговорным языком, не исключающем вкраплений усилительных выражений, он говорит о его жизненных принципах, о перипетиях судьбы и о своей истории любви. Она цепляет за душу и не дает разгадки с начала до последних строк повествования. Макс едет из Сургута в отпуск на юг. Больше трех тысяч километров дороги, с маленькой дочкой. Он мысленно оглядывается назад, на свою жизнь. Смотрит без страха вперед и отлично справляется с неожиданными приключениями на своем пути. Только одна встреча в курортном приазовском Урзуфе, где живут его родители, переворачивает все его принципы и привычки. Решится ли герой принять важное решение и что-то изменить? Успеет ли он обрести счастье? Хватит ли ему сил пожертвовать чем-то в жизни, через которую пролегла тень той самой? Дороже которой у него больше нет…

Макс Линн

Ее тень длиною в мою жизнь…

Первая книга

Мужской роман-исповедь

Я циник. Без комплексов. Думал, как всегда съезжу в отпуск на юг, расслаблюсь. Сдам бабушке и дедушке на руки свою дочь, которую воспитываю один… Поныряю в курортные шуры-муры. Оторвусь по полной! Долгие связи – не мое. Не впускаю в сердце никого.

СУРГУТ

Ханты-Мансийский округ

Лето пришло в тот год поздно. Куртки и шапки не снимали весь май. Ночные заморозки и ледяные дожди достали. Резину на авто массово начали менять к началу июня.

Я рассчитывал, как всегда, своим ходом, отправиться на юга, к морю. В отпуск. К родителям. Что кривитесь? Отпуск рядом с папой, мамой – это самое то! И не надо намекать про маменькиного сынка. Не на того напали! Мне тридцать четыре года. Я не живу с родителями с пятнадцати. Но это не значит, что я их не люблю. Очень даже.

Как было? Сначала уехал из дома в профтехучилище, а потом там же – в Днепропетровске поступил и закончил ДГАУ. Инженерно-технологический факультет, кафедра надежности, ремонта машин и технологии материалов. Профессия на все времена! Главное, мое любимое ремесло, которое не только дает нормальные деньги, но и делает меня уверенным в себе мужчиной.

Правда, я не осилил дневное отделение. Родителей не хотел напрягать. А на стипендию молодому парню, с постоянными и растущими желаниями, никак не прожить.

Потыкался, нашел работу в автомастерской. Когда понял, что с хозяином можно заработать, и мужик он адекватный, остался. Многому учился у него. Делал засечки на будущее. Сам захотел открыть свое дело…

После второго курса перевелся на заочное. Там неожиданно «замутил» с преподавателем. До этого, после и параллельно, были всё несерьезные

малолетки. Однодневки. Так я их называю. Бабочки. Прилетали. Улетали. Чаще – заевшиеся девочки из обеспеченных семей. Рано начавшие гулять по барам и злачным местам. Вообще без тормозов некоторые. Будто жизнь у них – только сейчас, а о завтра – никто не думает. Мозгов и душевного равновесия мало. Или не наблюдается в наличии. Мне с ними быстро надоедало. Да и бобла на них, где взять? Студенту в чужом городе. Чаще попадались бедные девчонки, плохо одетые, без роду, без племени и без стержня в жизни. Безотцовщина. Детдом. Интернат. Заезжие. Старше и моложе меня. Ищущие приключений на одно место. Расшивохи. С той самой – низкой социальной ответственностью. А мне принципы нужны. Как говорит Санёк, мой друг:

– Макс, ты нормальный чувак, но принципы твои долбаные.

Мне стержень в человеке подавай! А где его взять? Если настоящей семьи у девчонок нет. Нет тех заботливых отца, матери, деда, бабули. Это они стержень в тебе взращивают, воспитывают, держат. Крепко. Не соскользнешь… Хоть загибай, хоть нет. Как в том анекдоте…

Ладно. Что я завелся? Тут, кому как повезет. У меня полная семья. Одна громадная любвеобильная душа! Греческая. Да. Я грек. Из приазовских. Слышали о таких? Вот я из них. Оттуда. Родичей вагон с прицепом. Совесть и доброту они во мне воспитали. Генами, свойственными моей нации, наградили. Душа широкая. Не скупердяй. Не зануда. Жизнелюб. Хохмлю без краёв. Падок на женщин. Или они на меня… Добрый – без границ!

Только жизнь заставляет быть порою другим. Злым и циничным. Не часто. Но и расслабляться пока не получалось.

Та моя институтская любовница не была одновременно любовью. Вообще я ее не любил. Так. Трах. Для дела. С преподом с кафедры в институте. Я пришел пересдавать к ней хвост, экзамен. В принципе, на три балла мой ответ тянул. Ей – не хватило! Стала намеками подкатывать. Я удивился. Что она во мне нашла?

Нет. Внешность моя не подкачала. К зеркалу я без претензий. Улыбаюсь открыто. Очень! Симпатичный, волосы густые. Стрижки модные мне творит Жанка, знакомая парикмахерша. О, как она делает массаж головы! Я могу так расслабиться, что засыпаю. Еще я глазастый, как говорят многие. Главное, не дурак! В физическом плане, как пружина. Люблю натренированное тело. Кубики

есть, занимаюсь на тренажерах. Как на службе начал, так и дальше продолжаю. В армии не отлынивал, в числе первых был по физической и боеподготовкам. Служил сначала в Омске, потом в Тюмени, в ЖДВ.

Мне повезло. Хорошие пацаны там были. До сих пор перезваниваемся. Новости друг о друге узнаем… А друг армейский, Паша Коркин, перетащил меня в Сургут. Только не работаем мы вместе. Он – фельдшером на скорой. Толковый парень. Каждый день чью-то жизнь спасает! Достойный у меня друган!

Так. Еще о внешности. Носом родители не обидели. Крючка не наблюдаю. Глаза карие. Большие. Как в том анекдоте. Помните, про сову? Которая потом оказалась какающей белочкой? Моя дочка его любит… Губы у меня тоже ничего. Девушкам нравятся. Повсеместно. На их теле… Есть одно, но! Там, где я живу, зеркала висят низко. Рост у меня метр шестьдесят восемь.

Отвлекся от Агаты. Эта мадам, которой я сдавал экзамен в институте, оказалась на голову выше. Стройная стерва! Агата… Отчество я ее уже не помню. Не использовал. В тот же день я досдал у нее дома экзамен. Уже на отлично. А еще экстерном все зачеты до конца семестра.

Мне было двадцать. Ей тридцать четыре. Кроме карьеры и секса ее ничего, как выяснилось, больше не цепляло. В четырехкомнатной, оставшейся ей от дедушки, (какого-то партийного шишки в пределах области), хорошо отремонтированной и обставленной квартире, ни мужа, ни котенка, ни ребенка Агата не завела.

– Мааакс, – с придыханием, мяукала она мое имя. Ты неисправимый грубиян и циник. Но я тебя люблю. Мааакс!

Наша с ней связь продлилась ровно до моего диплома. Получил и адьёс! Без прощаний и обещаний! Адресом я с ней не поделился, когда уезжал. Думаю, она не очень долго скучала…

По характеру я спокойный. Если, что неординарное происходит, и я вижу, что надо реагировать, то сначала включаю голову. Но если встречаюсь с откровенным хамством и наглостью, действую. Не буду стоять и клювом щелкать. Умею отстоять свои права, в законном смысле. А в эмоциональном – дать в морду. Если надо. Зачем ждать, пока паровозный пар пойдет из ушей или

из жопы?

Когда-то было… В автомастерской. Отдаю ключи владельцу от – «Опеля-Инсигния», после ремонта. Пришлось менять турбонагнетатель. До этого с проблемой компрессора он уже обращался, и я ему его реанимировал. В этот же раз пришлось ставить новый. После 180 тысяч км турбина в авто сдохла совсем. На наших-то дорогах! Еще по мелочи все проверил, подтянул, подчистил… Клиент заплатил, выходит во двор к стоянке, и говорит громко какому-то парню, что его ждал:

– Метр двадцать в прыжке, шибздик на вид, а машину реанимировал…

Я в это время хотел загонять в ангар следующую тачку, с примятым передком, «Мерседес», С-класса, для ремонта. Развернулся, подошел к этому мужику и влепил ему со всей мочи. Я левша. Левой в скулу. Снизу. Тот ростом повыше. Он попятился. Схватился за лицо. Чуть не плачет! Фингал пошел расти.

Я же не знал, что он так над своим фейсом трясется! Актер народного театра оказался. По хобби. А по жизни – клерк он какой-то банковский. Весь с иголочки. Тютя.

Расстались нормально. Он извинился. Постоянный клиент по сей день. Сейчас у него уже Вольво. Зажирел.

Возвращаюсь к лету того года. Что говорить. Паршивое оно было. Холод и дождь, иногда со снегом. Хотелось поскорее помахать рукой Ханты-Мансийскому округу, миновав его на трассе, и вперед – на юг.

Назарыч и Толик, Аркаша, которого мы зовем коротко – Каш, да еще практикант с высшим, как у меня образованием, Яков Ярцев, Яшка в нашем кругу, – оставались на хозяйстве.

Я владею СТО – автомастерской. Сам у себя работаю шефом. После Днепропетровска, осуществил свою мечту. Не сам. А вот тут вспомните, что я говорил о маме и папе?

Короче, родители дали мне деньги на бизнес. Занимать не пришлось.

– Ты, сынок, строй свое дело. А кому нам еще помогать, как ни вам – детям? – сказал мне тогда батя. – Я и мать тебя не зря толковым человеком растили. И Гошку тоже.

– Папа, мама, я постепенно, как раскручусь, все вам верну!

– Еще чего! И не думай. Нам с мамой много не надо. Да, Валюша? Ты, это, главное, когда помрем, чтоб похоронил нас!

– Опять одно и тоже. Живите! Что вы все про похороны, да про похороны?..

– Так, это ж жизнь, Максимка такая. Сегодня ты есть, а завтра… – мама не договорила.

Как-то она на эту тему не может спокойно. Всегда расстраивается. Слезы выступают. Без повода…

Так я тогда замутил свое дело!

Мои парни, хотя Назарычу давно за пятьдесят, Каш – еще девятнадцатилетний пацан, сын постоянного клиента, а Толян, старше меня немного, опытный и рукастый, уже шесть лет со мной трудится – мастера хорошие. Не подведут.

Мой девиз по жизни: «Убей лень, люби работать!» Плакат маркером написал и на стену повесил. Мои мужики в мастерской не против. В лени не замечал.

Я оставлял их одних на месяц, а один раз и на два, когда моя дочка Яна в Урзуфе сломала ногу. Умудрилась! У меня на глазах и на ровном месте. Пришлось везти в травматологию в Мариуполь, и гипс накладывать…

– Всё, жизнь в другой цвет окрасилась! В черно-черный! – так она заявила, когда ей выдали детские костыли…

Янке тогда четыре было. Разговаривала только афоризмами. Я её словесные перлы в отдельный блокнот записывал…

Бизнес шел, не затухал. Пока я купался в море, заводил курортные бл#дки, гулял с друзьями. Из-за встречи с ними и возможности на потрахушках оторваться со сносом башки, я и ехал на родину, домой, каждый год. Там моя ночная жизнь кипела.

Родители присматривали за внучкой.

Днем я не забывал помочь матери и бате по хозяйству. Дочку я тоже вниманием не обделял, успевал. То свозить ее на карусели в город и в кафе-мороженое, то на море валялись или ездили к друзьям в Мангуш, у которых растут Мила и Стефа – две Янины подружки-близняшки и Никита – друг.

Дочь для меня – все! А для бабули и дедули – принцесса. Хотя их любви хватает на других внуков тоже. Мой младший брат Рыжик три года назад женился. По залету! Ему сейчас двадцать два.

Я брату, еще тринадцатилетнему пацану, много чего объяснял. Как говорится, на пальцах. Учил. Как старший брателла. Чтоб гулял, много, дерзко, но с умом! Как можно дольше в жизни! Без семейных уз, пут и оков. И что? Вокруг цветники из девчонок! Каждый летний курортный сезон. А он в восемнадцать клювом щелкнул и…. три сына. А у меня три племянника! Представляете?

Сначала родились Никита и Саня. Двойняшки. Разные пацаны – вообще! Будто не рядом делались. Один рыжий, как папа, другой – черный. Как я. (Шучу! Я там не при делах!) И по характеру несхожие. Потом – через год мой младший снова залетел. Теперь у них с Иркой еще и Платон. Тоже конопато-рыжий! Копия Гоши. Дает им ночами жару. Не высыпаются. Весь дом в памперсах. И в презервативах.

Моего брата все зовут Гоша. По паспорту он Игорь. С детства дома зовем его Рыжиком. Но только, если никто не слышит. А то он обижается. А чего? Если конопушки даже на заднице и на пятках есть!

Я по сей день удивляюсь, что братишка родился рыжим. Никого, на памяти родни, в семье нет, таких красноволосых и рябых. Все родичи – греки, темные. Жгучие. Профили точеные. Носы с горбинкой. Красавцы! Коренастые. Низкорослые. Жопа под коленками. Ноги кривые… Я это… Не о женщинах! Я о мужской части семьи… Но Гоша все-таки кого-то в тридесятом поколении выцарапал! Наверное, ирландцы мимо проходили. Он как они. Высокий, статный.

Умный. Такой у меня брат красавчик!

Мне в автомастерской Назарыч как-то, из коллекции им собираемых анекдотов и присказок, выдал:

– Чем отличаются мужские ноги от женских ножек? Так вот. Между мужскими одни и те же яйца болтаются, а между женскими – каждый раз разные…

Я к чему? К сравнению себя с братом. Он слон, я моська. Он жираф, я такса. Смотримся рядом, как Тарапунька и Штепсель. Были такие юмористы в советское время… Гоша выше всех, если собираемся большим составом семьи. У него метр восемьдесят девять. Да еще и осанистый. Как каланча над всеми торчит! Остальные на наших фамильных греческих сборах по низам тушуются.

Рыжик внешне похож на батю и вообще на всех родственников с его стороны. Мамины у него только руки. С длинными тонкими пальцами. У нас она на гитаре хорошо играет. Поет… Родители даже отдавали Гошку в музыкальную школу. Я так тогда гордился за младшего брата! Думал, музыкантом будет. У меня руки рабочие – ладони лопатистые, громадные… Голос низкий. Как у папы.

Началась учеба в музыкальной школе. Все дома на цыпках передвигались: Рыжик занимается! Гоша недолго мучил инструмент и нас нестерпимыми гаммами. Однажды брат психанул и новенькую, только купленную, скрипку швырнул в стену. Вдрызг. Перегородку между нашими с ним комнатами тоже расхреначил. И два месяца не позанимался…

Дальше. О дороге. Ехал на юг в то лето на новой Бэхе. Вернее, годовалой. Радовался, похвастаюсь перед друзьями!

«БМВ» мне дали мои клиенты. За ремонт их двух изрядно помятых и покоцаных джипов. У пацанов случились, наверное, разборки. Я в их терки не вникал. Но несколько пулевых отверстий мы в мастерской заделали. На «Брабусе». Полностью пришлось и другой джип, «Гранд чероки», лакировать. Зато в итоге оба авто получились, как новые.

Клиенты посмотрели. Покрутились в стороне, что-то обсуждая. Я им счет выписал. Даю. Только вместо оплаты они мне Бэху подкатили. «BMW X5»! Год ей был тогда. Главное, честная, не угнанная. Проверил. Думаю: «Зер гут!» Я ж не

против. Оформили все, как положено. Теперь у меня две, не старше пяти лет, тачки – «Хонда» и «БМВ». Еще есть «KIA», на которой начинал. Она не в счет. Старушка. В крайних случай выгуливается для клиентов. «Хонду» даю в аренду, пока автомобиль владельца стоит у нас на ремонте. А на «БМВ» сам кручусь по делам. Курящих не пускаю. Со мной дочь постоянно ездит. Ребенка в вонючую машину сажать я не стал бы.

А мужики эти теперь только у нас обслуживаются. Недавно пригнали джипы на диагностику. Спрашивают:

– Бэха в порядке? Или новую тачку тебе авансом подкатить?

Они нашу мастерскую уже многим своим знакомым посоветовали. Больше клиентов, значит есть работа. Что еще надо? Для нормальной жизни…

Мы выехали с Янкой поздно вечером. Днем покемарил, пока дочка собирала свои вещи. Мне ночью в дороге самое то. Не жарко. Меньше дальнобоя. А значит и немного обгонять их надо. Не дергаться лишний раз. Еду только на ближнем свете. Есть риск после разъезда со встречкой влететь по самое не хочу в какую-нибудь хрень, выпавшую из большегруза. Бывает и автомобиль, брошенный, сломавшийся на обочине попадется. Или есть опасность зацепить зверушек, которые в свете дальних фар гибнут чаще, чем в ближних. А мне их жаль! Я не живодер. Еще мое правило: если веки начинают медленно моргать, то сразу ищу место, куда прижаться и вздремнуть. Хоть полчаса… А потом снова в путь!

Яна, ей восемь, на заднем сидении под одеялом посапывает. Я включаю себе аудиокнигу. Какой-нибудь детектив. Чтоб побольше экшена: взрывов, стрельбы, крови, убийств, пусть даже – магии, коварства, интриг и неожиданных поворотов сюжета. Короче – побольше жути-мути. Чтоб слушать с интересом, удивляться, как вообще кто-то такую бредятину выдумывает?! Но в уши впускаю, чтоб за рулем не заснуть. На дороге мне так легче концентрироваться. А то начну себя по частям разбирать.

То одно вспомню, то другое. Анализирую. И все в ошибках себя упрекаю… А сценического-то варианта в жизни нет! Не то, что день, – минуту заново не переиграть! Это меня больше всего и бесит! Не пережить тот или другой момент, когда напортачил. И все пошло не так, как хотел, или как было бы лучше… В реальности же все происходит через то самое место на букву Ж.

Разрешаю себе в дороге только о позитивном думать. О дочке, о родных. О том, как в отпуске найду какую-нибудь курортницу и оторвусь с ней по полной. Потом еще другую – десятую – и туда же… А пока впереди у меня, по навигационке, 3683 км до Урзуфа. Через Мариуполь.

Я езжу с дочкой сам. С того момента, как моя Томка однажды заявила, что намылилась на заработки. В Германию.

– Макс, я полечу с подругами! С Ларкой, Элкой. Ты их знаешь…

«Ага, бл#ди еще те. Как на подбор!» – подумал я. С Ларкой у меня было, когда Томка перебрала на вечеринке и заснула. А потом еще как-то замутили… Случайно в городе встретились, и я ее подвез…

– У Эллы там уже все на мази. Через фирму в семьях убирать, стирать, готовить, ухаживать…

– А за нами с Яной кто будет ухаживать?

– Ты уже большой мальчик. Справишься. Полгода всего! В душе моешься, передёрнешь…

– Ты о чём вообще? А о дочке ты подумала? Как малышка без мамы, без ласки? На кой ты замуж тогда выходила? Тома, а работать мне когда? Ты каким местом там в себе решаешь, ехать тебе или нет? У нас тут ни нянек, ни бабушек с дедушками на расстоянии трех тысяч километров не наблюдается… Я не могу с малой сидеть! Зарабатывать надо. Не ты ли дом хотела с бассейном и с тренажерным – миниатюрным зальчиком?

– Я в Германии больше денег, чем ты, срублю. Евро. А не тугриков, которых мне даже на красивое белье не хватает. Ты или в бизнесе своем, с потрохами, весь, или на дочку всё тратишь. А на меня уже не смотришь… Янчик же не сирота, как я в пять лет осталась! Ты не чужой – ты папа! Ей скоро уже три! В сад с утра завез, вечером забрал. Помыл, сопли подтер, спать уложил. В машинку вещи бросил. Вынул – чистые. Ты в курсе! Или на пятидневку отдай. Поела, поспала… Я вообще с тёткой росла. Она у себя дома, а я в интернате. Всю жизнь… Справишься! Только месяцев пять-шесть. Как там пойдёт. Но не больше!

Втемяшила себе в голову, никакие мои уговоры и крики, сходящие на маты, не помогли! Переругались. Самому противно.

Собрала манатки. И даже вечерние платья. Говорю ей: «Что рабочая одежда теперь так выглядит?». Она мне (зашибись!), не моргнув, на голубом глазу, хрень несет, что отдыхать после работы и страну посмотреть, тоже собирается… И я понял. Это пи#дец! И он ко мне уже не крадется незаметно, а встал в полный рост и бежит, гад, навстречу. А я к нему, как лох, – с распростертыми руками.

И умотала. Ни языка, ни ума. Ни образования. Ноль. Виза? Легально или нет? Не знаю! И не хочу уже. Ни знать. Ни другое. Уже не встанет на нее. Все фиолетово. Перегорело? И не загоралось!

Пять лет там. Шестой пошел. На заработках. Позванивает. С каждым разом все реже, и меньше у нас тем для разговоров. Парой минутами обходимся. Я дочке трубку даю, она мне отфутболивает – через секунду. Не о чем говорить! Чужие стали.

Янка без нее в школу пошла. Дни рождения отмечаем, праздники. Путешествуем. Без мамы. Я подал на развод и на лишение ее материнских прав…Это было три года назад. Теперь мы с дочей свободны, как фанера над Парижем.

Мотнулись, кстати, с Янкой на прошлые каникулы во Францию. Показал ей все, что надо, в Париже. Только в Лувр не попали. В городе начались разбои из-за каких-то протестующих. Я не вникал. Видели только горящие авто и разбитые витрины. Такой вот был конец поездки в Париж…

Летаем мы обычно на выходные и праздники. Я ей сюрпризы делаю. Как приятно, когда у ребенка глаза светятся счастьем! На Канарах были, в Италии, на Бали, в Индии, в Эмиратах. Турцию и Египет не считаю. Ей, почему-то, не очень понравились.

Она осталась в восторге от отпуска в Шотландии. На ее самые первые в школе каникулы. Там мы делали тур по замкам. С привидениями. Ну и попутно я старался, чтобы она язык слушала от носителей. Наша репетитор Эмма Федоровна тоже хороша. Только у нее даже загранпаспорта нет. Никуда не

ездила. Янку мою впечатления от шотландских замков, с живущими там привидениями, накрыли так, что мне потом дома пришлось ее комнату под старину, как в этих бургах, перестраивать. Сделал. Самому понравилось! Пол первого класса в гостях побывало, ребятня. Любопытные все! Но у Янки теперь есть авторитет!

Как-то пристала ко мне. Ей пять лет было. Сам виноват. Покупаю ей постоянно развивающие игры. Сидим. Географическая игра с карточками. И началось!

– Хочу в Австралию, посмотреть кенгуру и коал. Завтра. И утконоса тоже! Утром! Полетели!

Ага! Я еле успокоил ее тогда. Но на заметку в уме ее мечту взял. Уже есть подвижки. К осени, думаю, получится. Австралия! Утконосы! Ждите! Ух, мы прилетим!

Я-то что? У меня всегда есть с кем переметнуться. В записной книжке почти на все буквы. Жаль только Янку. Без матери растет. Постоянных подруг я не завожу, а каждый раз знакомить ее с кем-то… Чёрта лысого! Нет! В доме у нас, кроме помощницы по хозяйству Марии Марковны, нашей соседки – пенсионерки, никто чужой не появляется. Она помогает нам, я – ей. Дочь Валерка за американца замуж вышла, девять лет уже там, а мать одна теперь осталась. Говорит, что я и Янка – ее отдушина от одиночества…

Знакомые женщины, в большинстве, цепкие – любопытные до моих с дочкой будней, нос суют во всё, хотят прийти, типа – помочь… Навязываются. А я сразу на это реагирую. Обрываю. Нет! Яна вырастет, потом мне все вспомнит! Дом – это, где только я и дочь.

А вдруг моя девочка обидится и не поймет!? Ей еще жить, рожать. Как начну думать о ее будущем, успокоиться не могу. Вырастет. Начнет влюбляться. Этого не отменить. А сколько подонков вокруг? Как ее уберечь? В этой теме накручиваю себя по полной. Волнуюсь за нее…

В дороге. Я отвлекся от аудиокниги. Придется перематывать назад. Пропустил, кто кого там кокнул на вечеринке… Снова воспоминания гложут мозг. Начинало светать. Проехал знак: Малая Зоркальцева. До Тобольска оставалось, как показывала нави, 27 км. Отошел на пару метров от машины, в кустики. И тут:

– Мужик, помоги…

Я, аж дернулся, и чуть шорты не обмочил от неожиданности. Огляделся. Из канавы, внизу, лицо выглядывает. Все в крови, месиво сплошное. Глазам смотреть страшно. В изорванной футболке, в коротких то ли шортах, то ли трусах, босой…

– Ты кто? Бомж? Машина сбила?

– Я шофёр-дальнобойщик. Бандиты выследили. Побили. Ребра, думаю, сломали. Битой, сволочи, дубасили. У меня фуру угнали, гружёную. Оборудование… Дорогое… Я жилетку со всеми причиндалами снял, жарко, еще до остановки в пути. Там карманы. С документами, наличкой. Сговорился с одним, до этого, по пути себе лодку хотел купить. Резиновую моторку. У меня дача на Каме…

Я не сдержался и высказался многоэтажным матом. Ночь. Попутки тормозить толку мало. Что делать? Сам нашел! Сам и разруливаю. Не оставлять же его тут одного мерзнуть в канаве?!

– Тебя в скорую везти? Или в полицию?

– Нет. Меня как раз гаишная машина и тормознула. В форме были. А с Жигулей вышли братки вооруженные. Думаю, схвачено у них тут все… Возьми меня до Тобольска. Там решу, куда податься дальше…

– Идти можешь?

– Нет. Ноги не чувствую. Сомлели что ли…

Я метнулся к машине. Янка спала. Отодвинул сидение и опрокинул немного. Расстелил на переднем месте простынь. Взял свое одеяло, которым в пути укрываюсь, когда надо поспать…

Тяжелый он был. Плотнее, чем я. И высокий. Самое трудное оказалось, его из канавы наверх втащить, а там уже полегче пошло. Волок его на одеяле. Усадил, прислонив к машине. Взял одну из пластиковых канистр с водой. Помог ополоснуться, промыл антисептиком кровавые ссадины. Дал попить. Взял все

нужное с аптечки. Я запасливый. Все-таки с ребенком в пути! Посмотрел его. Открытых переломов не было. Только кровоподтеки и ушибы. Вытащил из сумки свою футболку и шорты на резинке. Все подошло. Дальнобойщик даже улыбнулся. «Довезу», – решил я, и мы поехали уже втроем.

Илья Маркович. Так звали моего спасенного водителя фуры. 48 лет. Выглядит старше. Изношенным каким-то. Жизнью. Или его дальнобойным балластом. Дома, в Перми, ждут жена, тесть, похоронивший в прошлом году жену, и два сына. Еще подростки. Есть напарник. Молодой парень. Перед самой командировкой, в ночь, по неотложке лег в больницу. Острый аппендицит. Прооперировали сразу. Пришлось Илье самому ехать. Других шоферов у него нет. Теперь и работы нет. Фуру угнали…

Я подвез его до магазина и купил еды. Сам пошел. Лицо у Ильи совсем распухло. Перепугал бы всех. Потом хотел в больницу отвезти, но он возразил:

– Если ложиться, то дома, в Перми. На кой ляд я здесь, в чужом городе, кому-то сдался? Давай, адрес полиции найдем. По горячим следам, может быть, фуру разыщут…

Дальнобойщика я оставил в городском отделении полиции. Дал ему денег. Он благодарил и несколько раз повторял, что переведет мне все назад. Я пожал ему руку.

– Денег не надо. Так даю. Удача, что я именно возле тебя остановился… Ты везучий! С каждым может в дороге беда случиться. Главное, получить помощь вовремя. Давай, поправляйся! Номерами обменялись. Будем сообщаться. Бывай!

– Да, ночью на трассе… Копец! Спасибо тебе, браток. Счастливого пути, хорошо тебе с дочкой добраться к твоим! На юг.

Заправился. Мы с Янкой поели на трассе Р 404 в проверенной годами кафешке… За Тобольском. Потом она умяла еще мороженное, а я налил себе из термоса – кофе. Домашний. Умею его готовить.

Еще три дня пути с остановками. Четыре детектива…

Янка их терпеть не может. У нее в наушниках – все по темам. Я много чего ей скачал. Сказки, песни из мультиков, музыка, что ей нравится, а я не против. Без папиной цензуры нельзя! Стараюсь, ограждаю от плохого и ненужного её слуху. Еще книжки записал. Сам проверял. Добрые, без ужастиков и ненужной ребенку фигни. Классику детскую мы с ней давно перечитали. Нет, вру. «Алису в стране чудес» еще прихватили. Дочитаем в отпуске…

Едем дальше. А чем дальше, тем ближе к цели!

Только коробит, что каждый год одно и тоже! По дороге мало что меняется. Гаишники. Состояние стабильное. Голодные! Ямы старые, узнаваемые уже, и новые – здрасьте, вам! Разбитая дорога. Крутые склоны, повороты и перекрестки, где часты аварии – выучил уже. Попутчиков не берем. Только если такой экстренный случай, как с дальнобойщиком… А так, еще раз на те же грабли наступать… Себе дороже. Знаю, пробовал.

Это случилось как раз в тот год, когда Томка умотала на ее

бл#дские заработки.

Яне исполнилось три. Одному в дороге было трудно с маленькой дочкой. Капризничала. Сидела одна в детском кресле, сзади. Томкина подруга Элка нам это кресло из Германии привезла. Хоть за это ей, данке.

Янка просто еще очень маленькая была. Вот и вопила. Все ей было не так! Наушники с песенками и сказками как-то улетели ко мне. На переднюю панель. Я затормозил. Отругал. Затихла и закапала слезами. В такие моменты педагог из меня хреновый. Обмяк. Приласкал. Успокоил ее и сам успокоился… Она же не виновата, что у ее папы все через одно место в жизни делается? Что мама нас бросила?

То наше первое путешествие, без жены, далось мне непросто. Не поездка, а вынос нервов. Уже после Волгограда на трассе остановились. Пробка километров пять. Большая авария. Пропускают потихоньку. Автобус столкнулся с газелью. МЧС, ГАИ, полиция, скорые, вертолет.

Я только боялся, что моя малышка окровавленные тела погибших пассажиров увидит и испугается. Тормозили там всех, кто мог подвезти дальше уцелевших и

не раненых пассажиров. Я что – не человек что ли? Место есть. Совсем молодую девчонку с двумя детьми надо было подбросить по пути – в Калач-на-Дону, вернее, в село за ним.

Сели и поехали. Гаишники дали одно детское кресло. Для двухлетнего пацаненка. Устроил. Посередине. Рядом с Яной. Пассажирку, с другой стороны, за моим сидением. Пятимесячная малышка была у нее на коленях, в переноске. Все остальные вещи этой мамы по имени Лена превратились в непонятные куски, в грязь. И коляска тоже.

Едем. У нее голова перевязана, вся в царапинах, синяках, но ничего. Держится. Главное, детей собой прикрыла. Все живы остались. Умница! Покормила малютку грудью. Объяснила, что с мужем поссорилась, пришел выпивший, распсиховался, что она не успела по дому «пошуршать», еды не было горячей. Руку на нее поднял. В стену, в коридоре, впечатал. Олежка – сын видел, от страха штаны обделал. Она, как муж на работу с утра ушел, схватила в большой пакет детское, памперсов упаковку, свое – немного, что собрала быстро, детей в охапку – и в такси. На автостанцию. К маме и к бабушке, домой. А тут такая авария на трассе. Как специально!

Я слушал. Потом заметил в зеркало, что попутчица часто дает пить своему сыну и лоб его трогает.

– Приболел?

– Нет. Это из-за аварии. Он испугался, когда автобус опрокинулся… Я сама еще в шоке…

Довез их до места.

К вечеру вижу, что Янка замолчала. Права не качает. Сникла как-то. Прижался к обочине. Выхожу. Дотрагиваюсь до нее, а у нее жар! Вот и приехали. Вытащил термометр: 38,6 градусов. Помчался. Спросил на заправке по дороге куда можно с ребенком податься и нашел ближайшую больницу. И повез. Нервы в улёт! Время остановилось. Отпуск с такого начинается! Маты – про себя и в свой адрес. Кто виноват? Я!

В больнице приняли. Оказалось, респираторная инфекция. Передается чем? Воздушно-капельным путём! Мысленно снова обсудил проблему сам с собой. Только ненормативная лексика…

Ночь провели в стационаре. В палате дочка была одна. Поспал рядом с Янкой на пустой детской койке. Скрючившись. Бабуля-санитарка, с разрешения дежурной медсестры, устроила нелегально – до шести утра. Еще и двумя пирожками с капустой угостила. Чай принесла…

За что люблю наш народ? Поставь на две чаши умных весов всех! Пусть сортируются на злых и на добрых. И что? Больше вот таких душевных и понимающих людей будет. Как санитарка эта. Перевесят! Сто процентов даю! Я в это искренне верю! А так и жить досадно. Если не верить…

Янку спасли. Температура спала. Набрал таблеток против ОРВИ и поехали дальше. Все обошлось. Даже соплей не было.

Я умом понимаю, надо помогать! Но кто знал, что у этой девки сын больной будет? Что моя дочка от него заразится…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/linn_maks/ee-ten-dlinoyu-v-moyu-zhizn-pervaya-kniga

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить